

Мама мыла Раму

Валентина Голубовская

МАМА КУПИЛА КНИГУ

Эта фраза из довоенного букваря стала первым словосочетанием, самостоятельно прочитанным мною, — сначала в уме, а затем и вслух. Случилось это в начале декабря 1944 года — мне только стукнуло пять. День рождения отмечали в коммуналке на Садовой, 6, где наша семья поселилась после возвращения из эвакуации. Мы потеряли квартиру на Софиевской, 13, где я родился, и откуда ушли на войну отец и старший брат. Мы, потомственные одесситы, стали жертвой того, что сегодня именуется рейдерской атакой, а во все времена —

насилованным лишением жилья — сначала со стороны фашистских оккупантов, а затем, как это ни дико звучит, соотечественником, да еще в полковничьих погонах, принадлежавшим к клану большевиков-ленинцев, который до недавнего времени был представлен в городской топонимике...

"Мама мыла раму", — прочитал я вслух, но, следует признаться, что смысл этого нехитрого предложения оставался для меня не вполне ясным. Дело в том, что оба окна нашей единственной комнаты над подъездом в ту зиму ни разу не предстали пред моим детским взором. Они были завешены импровизированными шторами, наглухо заколочены фанерой (стекла вылетели при бомбежках), а в форточке торчала жестяная труба чугунной печурки, стоявшей на листе кровельного железа. Такая же "буржуйка" согревала и семью Королевых, — об этом Валентина (уже давно — Голубовская) вспоминает в своей новой книге "Мама купила книгу" (Одесса. Зодиак. 2009. Дизайн Анны Голубовской). Многое в нашем детстве совпадает — и нехитрая послевоенная еда, и многотрудное служение наших родителей, и реалии приморского города, только-только избавившегося от засилья захватчиков, и первые книги...

Разница была лишь в одном, но весьма существенном. Королевы даже в самые трудные времена, несмотря на все потрясения (войны, революции и т. д.), сумели сохранить и уклад дружной семьи, и фамильные реликвии,

и привычную посуду, и духовные ценности... Мы же потеряли все. Достаточно сказать, что семья лишилась и утвари, и документов, и книг... Даже букварь, в котором были речевки: "Мы — не рабы, рабы — не мы!", "Мама мыла раму", — достался мне от прежних жильцов комнаты на Садовой.

Валентина назвала свою книгу "Мама купила книгу" — она вспоминает, как та принесла с Привоза не провизию, а, как нынче говорят, "печатную продукцию", и сестры Королевы встретили это с полным пониманием. Вот только вспомнить ее название сегодня не могут... Я же сохранил первую книгу, купленную мне мамой в магазинчике, приютившимся у лестницы, ведущей в мясной корпус Нового базара. "Сказки Андерсена" с рисунками Конашевича — подарок ко дню рождения в ноябре 1945 — уже после Победы. Приехал из Берлина на побывку брат Аба — двадцатидвухлетний капитан-артиллерист. Он опирался на палку — оказалось ранение в ногу, — и этим напоминал мне Стойкого оловянного солдатика...

Перечитал эти несколько абзацев и убедился, что вновь написал не рецензию на книгу Валентины Голубовской, а предался воспоминаниям. Вновь, потому что такое случилось со мной и тогда, когда я откликнулся на ее предыдущий сборник "На краю родной Гиперборен". Такова уж природа дарования Вали, что она вовлекает в круг своих чувств и размышлений, ассоциаций и меморий всех нас — родившихся в провинции у моря в сороковые роковые и даже несколько раньше или позже. Полагаю, что цитаты из знаковых литературных источников здесь вполне уместны — ведь нас волновали (да и волнуют!) одинаковые страсти...

Книги, люди. Люди и книги. Не стану перечислять все заветные томики, всех, с кем Валу и Женю Голубовского, Таню Вербицкую и меня сводила жизнь. Мы не только вместе работали, не только ходили в одни библиотеки, собирали работы одних художников, но и жили по соседству.

Кстати — о знаковых, типично одесских совпадениях. В новелле "Мраморы Каррары" автор вспоминает встречу с уже известным тогда художником Люсиком Межбергом и будущим писателем Аликом Суконником. Они случайно сошлись на углу Успенской и Преображенской у остановки четвертого трамвая — ребята спешат на матч "Черноморца", а Валя вышла из дома Голубовских на Кузнечной и собирается к Ксане Добролюбовской, жившей на Успенской (почти угол Белинского). Хотя Валентина и не называет дату встречи, я могу свидетельствовать, что она случилась до января 1969 года. Именно тогда мы поменялись с Люсиком жилплощадями — вселились в дом 119 по Успенской (за углом от трамвайной остановки), где он и еще один художник занимали двухкомнатную квартиру, а Межберг

перебрался на Торговую, откуда впоследствии и уехал в Америку... В нашу квартиру на пятом этаже практически всю одесскую жизнь приходил с женой Галей наш общий с Голубовскими друг — замечательный живописец Осик Островский: сначала к гроссмейстеру Ефиму Геллеру (он жил здесь до Люсика и Аси), затем к Межбергам, и наконец — к нам с Таней...

В своей книге Валентина Голубовская упоминает друзей, с которыми связана вся ее жизнь. Многих, увы, уже нет с нами. Но и чета Лушиков, и супруги Шенкер, и Лина Шац, и Люсики-Беккерманы, и Шура Ануфриев, и Алик Суконник, и Юлик Златкис, и Олег Губарь, и Сёма Лившин, и Валерий Хаит, и Витя Корченков, и Миша Черешня, и Витя Маринюк, и Валера Басанец, и Леня Рукман с Наташей, и, разумеется, однокашник и сосед Королевой по детству Саша Розенбойм... Простите, если кого по рассеянности не назвал, но все мы благодарны Вале за возвращение в годы и город.

...Перед тем как отправить эти заметки в печать, увидел, что компьютер самовольно набрал в заголовке слово "Рама" с большой буквы. Рука потянулась к клавиатуре, но тут я подумал: пусть так и остается.

Мне представилась молодая счастливая мама, которая ранним солнечным утром умывает кристально чистой водой из волшебного источника карапуза по имени Рама — будущего бога. Со временем индусы сложат о нем эпос "Рамаяна", за которым мы с Голубовским охотились в юности (серия "Литературные памятники"), и который сегодня стоит на полках наших библиотек...

